

ДЕСНИЦКАЯ А. В.

К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Изучение языка ранних правовых памятников представляет интерес со многих точек зрения. Сам по себе материал юридических формул и терминологических систем дает возможность в большей или меньшей степени проникнуть в глубь времен и тем самым создает возможности для реконструкции в области лексической семантики, а также для реконструкции типовых текстов, использовавшихся в юридических процедурах, которые в ранних общественных формациях совершались по неписанным нормам обычного права. Кроме того, лингвистическое изучение ранних правовых памятников, которые создавались путем кодификации законов и норм, передававшихся до этого в народе из уст в уста, от поколения к поколению, представляет интерес также и в плане истории развития литературно-языковых форм. Любой из памятников древнего и средневекового права — от Судебника Хаммураби и Законов Хеттского царства до французских Кутюмов и Саксонского Зеркала — может служить образцом усилий известного или неизвестного кодификатора, вложенных им не только в дело систематизации правовых норм, содержащихся в народном обычае, но и в обработку языкового материала. На начальных этапах этой работы в каждом конкретном случае перед кодификатором должны были возникать задачи интерпретации формул обычного права, существовавших до этого в устном употреблении, а также задача расчлененного и эксплицитного изложения правовых традиций в виде последовательного ряда параграфов. Для ранних периодов развития литературных языков создание письменных памятников правового характера, непосредственно фиксирующих обычаи и законы, согласно которым регулировался ход повседневной жизни и отношения членов общества, должно было иметь огромное значение. Как справедливо замечает Р. Гроссе, в дофеодальную и раннефеодальную эпохи «язык права не был изолированным специальным языком, обслуживавшим небольшую группу людей; более того, он составлял весьма важную сферу общественной жизни. Право, объединявшее в своеобразном слове законодательство и судебное дело, частное и общественное право, пронизывало все жизненные сферы...» [1, с. 176].

О различных аспектах лингвистического изучения ранних правовых текстов дает представление интересный опыт исследования языка Русской правды [2—6]. В работах С. П. Обнорского, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского, А. М. Селищева этот вопрос был поставлен прежде всего как одна из проблем литературного языка старшего периода, с особым вниманием к лексическим и синтаксическим особенностям текста.

В трудах, посвященных другим памятникам древнего и средневекового права, преимущественное внимание привлекали к себе иные аспекты их изучения — критическая история текстов, определение диалектных особенностей их языка и пр. Особую область исследований составляют работы, посвященные исторической семантике отдельных правовых терминов¹.

Имеющийся опыт исследования позволяет выделить некоторые общие признаки, характеризующие прежде всего синтаксическое построение

Из более новых работ назову здесь [7]. Специальный интерес имеет изучение индоевропейских правовых древностей, к которым в конечном счете восходят некоторые установления, формулы и термины, сохранившиеся в обычном праве отдельных народов — носителей индоевропейской речи [см. 8, 9].

ранних правовых текстов, рассматриваемых как особый литературный жанр. Определяющими для этого жанра параметрами являются следующие:

1) Преимущественное употребление сложных предложений с выраженным условием. Как заметил в свое время Л. П. Якубинский, условная синтаксическая конструкция является важнейшим, основным структурным элементом изложения законов и договоров: «... „Русская Правда“ со стороны изложения вся состоит из последовательной цепи условных синтаксических конструкций. Такая особенность синтаксического строя законов и договоров вытекает из самого их содержания» [5, с. 295]. И далее: «Условная синтаксическая конструкция, более или менее осложненная и распространенная, является классической формой выражения статьи закона или основного элемента этой статьи [5, с. 295—296]. Различие средств передачи значения условности, а также различия в степени упорядоченности сложного синтаксического целого, выражающего смысловую связь с той или иной конкретной правовой ситуацией, могут служить первым параметром для типологического сравнения синтаксических признаков литературно-языковых традиций, связанных с созданием ранних правовых памятников.

2) Вторым и очень важным параметром является количество и характер включения в текст лаконичных формул обычного права, их соотношение со сложными синтаксическими построениями, эксплицирующими содержание конкретных юридических ситуаций.

Лаконичность таких формул, сохранивших в себе «крупницы из устного обычного права», была сопряжена, как указывал Б. А. Ларин, с недомолвками, причем для современников «не составляло никакого труда восполнить подразумеваемое, недоговоренное, так как этому помогала сама обстановка... То, что говорят сами вещи, обстановка, ситуация, всегда в какой-то мере предполагается в нормах обычного права. Отсюда сложность, многозначность словосочетаний, несущих целый комплекс значений...» [4, с. 72].

По признаку наличия в текстах большего или меньшего количества таких формул, противостоящих развернутым синтаксическим конструкциям с отчетливо выраженным значением условности, можно судить не только о степени архаичности отдельных правовых традиций, но и о наличии определенного отношения преемственности между языком письменных кодексов и устным койне, обслуживавшими область социально-правовых отношений дофеодалного и раннефеодалного периодов.

3) Третьим моментом, подлежащим учету при изучении языка раннеправовых текстов, является большая или меньшая степень наличия в нем конструкций, свойственных обычной в то время разговорной речи. С. П. Обнорский заметил, что существенной чертой языка Русской Правды является «известная безыскусственность структуры, т. е. близость к разговорной стихии речи, понятная для языка, начинающего свое собственно литературное развитие» [2, с. 142].

Признак простоты и народности синтаксических конструкций может быть обнаружен в тех частях текстов, которые не отмечены релевантными архаизмами (формулы) и релевантными инновациями (сложные синтаксические построения с выраженным условием). По моим наблюдениям, это преимущественно относится к статьям нормативно-предписывающего характера.

Изучение языка ранних правовых памятников целесообразно начинать с анализа каждого текста как определенным образом организованной системы, в его единстве и целостности. Если изучаемый кодекс представляет собой результат соединения, напластования или переработки нескольких текстов, особенно при наличии хронологических различий между ними, это может дать интересный материал для внутреннего сравнения и реконструкции.

При исследовании лексических систем и в особенности семантики формул, представленных в ранних правовых текстах, естественно, должно учитываться социально-историческое содержание запечатленных в них народно-правовых традиций, а также, по возможности, генезис этих

традиций. Отложившееся в правовой терминологии и в формулах наследие более древних эпох общественного развития подлежит рассмотрению как с точки зрения сохранения в лексико-семантической системе языка определенных архаических элементов, так и с точки зрения возможности переосмысления и актуализации их применительно к идеологии последующих периодов.

В число условий, принимаемых во внимание при лингвистическом изучении правовых текстов, входит определение исторической эпохи и социально-культурной среды создания этих памятников. Важность этого положения вполне очевидна и не требует дополнительной аргументации. Личность известного или анонимного (иногда легендарного) кодификатора, внесшего свой индивидуальный авторский вклад в дело обработки народно-правовых традиций и создания на их основе определенным образом скомпонованного письменного текста заслуживает специального внимания. Разумеется, средства выражения значения условности и типы построения сложных предложений, равно как и готовые формулы обычного права, задолго до этого должны были существовать в языке. И тем не менее факт создания с их помощью целого комплекса расчлененных формулировок, в которых дискретно и эксплицитно излагалось многообразие жизненных ситуаций правового характера, несомненно, являлось индивидуальным творческим достижением кодификатора.

В большинстве случаев личность кодификатора остается неизвестной, но это не должно снимать вопроса об авторах, индивидуальные творческие усилия которых имели историческое значение, не только с точки зрения истории права, но также с точки зрения истории литературы и истории литературного языка. Не случайно поэтому немецкими филологами особое внимание уделяется изучению текста Саксонского Зерцала (*Sachsenspiegel*).

Оригинальным и исключительно интересным объектом для всестороннего изучения является Канун Леки Дукаджина — кодекс обычного права североалбанских горцев. В настоящей статье будут рассмотрены вопросы, связанные с построением текста Кануна, соотношением его основных стилистических компонентов и синтаксических особенностей (лексика Кануна должна быть предметом специального исследования). Изучаемый памятник был создан в начале нынешнего столетия. Однако по своему социально-правовому содержанию он во многом архаичнее, чем правовые памятники, создававшиеся в условиях феодальных государств средневековой Европы. Основу Кануна Леки Дукаджина составляют нормы обычного права, сложившиеся в недрах патриархально-родового общества и длительно сохранявшиеся в горных районах Северной Албании. Отметим, что отдельные элементы феодального права являются позднейшими напластованиями, создавшими ряд противоречий в обычном праве патриархальной общины.

Вряд ли можно найти другой обычно-правовой текст, условия для изучения которого были бы столь благоприятны. Хорошо известны и документированы общественная среда и социально-культурные условия возникновения кодекса обычного права североалбанских горцев. Известен кодификатор — автор письменного текста. Доступны изучению его литературное окружение, а также языковой материал, на основе которого создавался текст. Все это дает возможность проверки правильности сформулированных выше признаков языка памятников обычного права и открывает путь для всестороннего исследования этого характерного образца кодифицированной народно-правовой традиции.

В отношении места, занимаемого языком Кануна в истории албанского литературного языка, следует отметить его непосредственную связь с гегской, точнее северогегской (шкодранской) литературно-языковой традицией. В настоящее время, как известно, в функции общенациональной языковой нормы принят вариант литературного языка, развившегося на основе южноалбанской (тогской) традиции. Однако нельзя упускать из виду, что североалбанский (гегский) в вариант лите

ратурного языка играл большую роль в процессе развития и обогащения общепалбанской литературно-языковой нормы.

Примечательным можно считать уже следующий факт: комплекс норм албанского обычного права был письменно зафиксирован только в начале XX в. Однако в то время он еще продолжал отражать сохранявшуюся у севернопалбанских горцев патриархально-родовую организацию жизни. Правовые нормы, с давних пор известные в народе под традиционным названием «Канун Леки Дукаджина» (по имени легендарного законодателя), были еще актуально действующей системой. Записавший их сельский священник-францисканец Штьефен Гьечов не только собрал огромный материал, но и придал ему форму монументального кодекса, включающего более тысячи параграфов.

Опубликованный в ряде изданий текст Кануна исследуется в настоящее время учеными различных стран с точки зрения его историко-правового содержания и его соотношения с менявшейся социальной действительностью. В историко-литературном и лингвистическом аспектах он еще только становится предметом исследования.

Кодификатор Кануна Леки Дукаджина Штьефен Гьечов был одним из ярких представителей культурного движения в Албании конца XIX — начала XX в., известного под названием «Национального возрождения» (Rilindje kombetare). В работе над текстом Кануна получила определенное выражение его общественно-культурная позиция.

Принадлежа к ордену францисканских монахов, пользовавшихся в прошлом значительным влиянием среди католического населения Северной Албании, Гьечов был одним из инициаторов развернувшейся в этом кругу краеведческой деятельности. В числе первых он начал собирать этнографические материалы, записывать фольклор, коллекционировать предметы старины. Эта деятельность развивалась под знаком возрождения национально-самобытной культуры албанского народа, борющегося за освобождение от турецкого владычества и его влияния в различных областях духовной жизни. Специальной темой разысканий Гьечова стала действовавшая в то время для населения горных районов севера система норм обычного права, пронизывавшая собой весь жизненный уклад горцев, которые лишь номинально подчинялись турецкой администрации и в основном продолжали жить по законам и обычаям, унаследованным от предков. Многолетний труд Гьечова, тщательно собиравшего и записывавшего бытовавшие в устной традиции народно-правовые нормы, нельзя, однако, рассматривать как обычную для нас деятельность ученого-этнографа, подходящего к своему объекту извне и стремящегося прежде всего зафиксировать интересующие его с научной точки зрения факты. Установки и цели работы Гьечова были в основе своей существенно иными. Они прежде всего определялись историческими условиями жизни албанского общества конца XIX — начала XX столетий и самим характером движения «Национального возрождения», которое объединяло представителей различных социальных групп и культурных кругов, ставивших перед собой неодинаковые идеологические задачи.

С одной стороны, работа Гьечова развивалась в общем русле идей албанского «Национального возрождения», одним из направлений которого была забота о сохранении для будущего сокровищ народной культуры — богатого фольклора, многообразия этнографических традиций, памятников национальной старины. Однако в то же время для Гьечова, как и для ряда других культурных деятелей из круга шкодранских францисканцев, отношение к народным традициям севернопалбанской патриархально-родовой среды имело свои особые основания идеологического порядка. Нельзя не учитывать, что Гьечов — и по своему происхождению, и по его деятельности сельского священника в горных районах, был неразрывно связан с этой патриархально-родовой средой, жил ее интересами и был в значительной мере сам пропитан ее идеологией. К нормам обычного права, регулировавшим образ жизни и поведение членов родовых коллективов, он относился поэтому не как внешний наблюдатель, но как человек, занимавший в этой среде определенное место, выполнявший

определенные функции. Традиции обычного права он ощущал изнутри, как бы и сам принадлежа к числу «людей Кануна» (pierzit e Kanús).

Его внутреннее убеждение в непреходящей ценности народно-правовых традиций патриархально-родовой среды североалбанских горцев совпало в то же время с консервативными установками католического духовенства, для которого культурная политика в отношении будущего Албании определялась ярко выраженной тенденцией к идеализации отсталых форм общественного уклада. С этой точки зрения собранному и кодифицированному Гьечовым комплексу норм обычного права, придавалось особое значение в качестве возможной основы для выработки общенациональной системы правовых норм. Именно это значение труда Гьечова считал нужным подчеркнуть известный поэт Гьергь Фишта, идеолог албанского католического духовенства, развернувшего особенно активную деятельность в период 20—30-х годов XX в. В предисловии к вышедшему посмертно первому изданию труда Шт. Гьечова Г. Фишта писал: «Откуда, как не из законов обычного права, государственные законодатели могут лучше и яснее всего узнать дух, характер и истинные нужды народа...» ([10]; текстовый материал приводится мною по этому изданию).

Таким образом, издание Кануна Леки Дукаджина имело, помимо научного значения, также и определенный идеологический аспект. И в настоящее время исследования Кануна, проводимые албанскими и югославскими учеными, оказываются непосредственно связанными с практическими задачами преодоления пережитков прошлого, в особенности явлений, связанных с обычаем кровной мести, а также других отрицательных сторон патриархально-родового уклада.

Шт. Гьечов выполнил огромный труд кодификации бытовавших в устной традиции правовых норм, представив их в виде монументального корпуса. Поэтому находящийся в распоряжении исследователя текст Кануна Леки Дукаджина, состоящий из 1039 параграфов, вряд ли можно рассматривать как простую запись, зеркально отразившую совокупность существовавших в народном употреблении правовых норм и обычаев. Гьечов создал литературное произведение особого жанра, притом — довольно необычного для европейской культуры нового времени.

Полная достоверность материалов, собранных Гьечовым, является одной из определяющих особенностей произведения, созданного человеком, посвященным во все тонкости правовой системы, которая веками выработывалась в недрах патриархально-родового строя. Именно то, что Гьечов создал свой кодекс не как простой наблюдатель, но сам находясь как бы «внутри традиции» и проводя установку на ее упорядочение и утверждение с помощью письменной фиксации, гарантирует подлинность всех его материалов и их выдающееся значение для сравнительно-типологического изучения исторических систем обычного права. Но в то же время нельзя не учитывать влияния на создание текста Кануна идеологических установок и индивидуально-творческих особенностей Шт. Гьечова, что могло отразиться, в частности, на отборе и распределении материала.

Из сказанного следует, что путь к изучению языка обычного права североалбанских горцев, отраженного в тексте Кануна Леки Дукаджина, может пролегать только через определение языковых и стилистических установок Шт. Гьечова, который кодифицировал правовые нормы, бытовавшие до этого только в устной традиции.

Начиная свою деятельность в конце XIX в., Гьечов не мог опереться в отношении прозаического стиля на предшествующую письменную традицию, т. к. в литературной жизни города Шкодры — главного культурного центра Северной Албании, работа над созданием прозаических литературных жанров находилась в зачаточном состоянии. Малоудачный опыт переводов религиозных сочинений с итальянского языка на городской диалект Шкодры (их начало относится к середине XIX в.) не создал прочной основы для литературно-языкового развития. Наиболее видные представители североалбанского литературного движения, в числе которых был и Гьечов, в своей работе над языком стали обращаться к дру-

тому источнику литературно-языкового опыта, а именно к северногегскому устному наддиалектному койне, с давних пор использовавшемуся жителями горных районов в общественно-ритуальной и устно-поэтической сферах. На этой основе проходила разработка прозаических стилей литературного языка, выявление индивидуальных особенностей отдельных авторов. Выдающемуся поэту Г. Фиште удалось выработать также блестящий прозаический стиль. Стиль Шт. Гьечова отличался тяжеловесностью, особенно там, где он отклонялся от готовых народно-речевых моделей и формул, стараясь построить сложные предложения с помощью синтаксических средств устно-поэтического койне. При этом для него была характерна сознательная установка на закрепление в литературном языке архаичных признаков народной речи.

Рассматривая текст Кануна Леки Дукаджина в целом, можно заметить, что его композиция и его языковая стилистика определяются, помимо общей цели (представить систему народно-правовых норм в ее целостности), также стоявшими перед автором следующими конкретными задачами: а) включить в текст устойчивые правовые формулы, бытовавшие в устной традиции как сгустки народной мудрости, определявшие нормы поведения в типических ситуациях; б) развернуть их юридическую интерпретацию; в) дать описание обрядов, регулировавшихся унаследованными нормами поведения и игравших важную роль в жизни патриархально-родовых коллективов.

Решение этих задач получило отражение в трех речевых стилях, чередование которых составляет основную особенность языка Кануна. Включенные в текст формулы, многие из которых являются, вероятно, очень древними, отличаются лаконичностью и недостаточной смысловой расчлененностью, что делает иногда трудным их понимание. Возможно, что оракульская темнота смысла некоторых из них была элементом присущего им ореола сакральной важности.

Необходимость интерпретации формул, а также изложения правовых норм и процедур в виде параграфов, заставила Гьечова искать специальные синтаксические средства, решать задачу создания первых на албанском языке образцов юридического стиля. Гьечов пытался решить ее путем усложнения синтаксических средств, заложенных в грамматической структуре северногегского диалекта. И, наконец, в описаниях обрядов язык Гьечова отличается большей простотой, в чем заметна ориентация на стиль народного повествования.

Многочисленные речевые формулы обычного права специально выделены в тексте Гьечова с помощью кавычек. Их цитатный характер иногда также дополнительно подчеркнут прямыми указаниями типа «говорит канун» («thotë kanuni»), «положение кануна гласит» («parimi i kanunit asht») и т. д. Развернутая интерпретация таких формул занимает в тексте памятника очень большое место. Проявленное Гьечовым исключительно бережное отношение к этим сгусткам народно-правовой традиции, выраженным в виде отточенных афоризмов, убедительно свидетельствует о подлинности их как архаических текстовых единиц.

Для формул Кануна характерны афористичность, лаконизм. Их синтаксические структуры отличаются простотой и завершенностью. Преобладают двусоставные простые предложения, с существительным в функции подлежащего, с глагольным или именным сказуемым. Каждое из них представляет собой самостоятельную смысловую единицу и может выступать вне речевого контекста. Контекстом для них является оценка ситуации с точки зрения системы норм обычного права. Поэтому толкование таких формул с опорой на прямые значения употребленных в них лексем не всегда является возможным. Несколько примеров относительно более доступных для непосредственного восприятия формул (конечно, при наличии общих представлений о ситуативной сфере обозначенных в них явлений): «Kufijt e tokës nuk luhën» «Земельные границы не сдвигаются»; «Vija e mullinit lypë udhën e vet» «Мельничная канава требует своей дороги» (т. е. к ней должен быть свободный подход); «Preja mirret me grë» «Захват (т. е. захваченный скот) отбирается захватом»; «Cubi e bakd hân-

si janë nji» «Вор и (его) укрыватель (букв. „дающий хлеб“) суть одно»; «Cubi asht me be mbë krah» «Вор пребывает с клятвой на руках» (т. е. обвиненный должен принести клятву, если он невиновен); «Nuse ra shkuesi s'bahet» «Невеста без сватовства не делается»; «Gruëja e vejë flet vetë» «Вдова говорит сама» (т. е. сама договаривается о новом замужестве).

Немногочисленные сложные предложения, используемые в формулах, отличаются краткостью и прозрачностью строения. Из сочинительных образований наиболее характерны сочетания с выраженным противопоставлением. Ср. сочетания без союза: «Gjaku gjak, gioha giobë», — thotë kanuja» «„Кровь (есть) кровь, штраф (есть) штраф“, — говорит канун», сочетании с противительным союзом *por*: «Pûna e çon vin e ujët, por nuk mund t'a ulë» «Труд поднимает (т. е. проводит) линию воды (оросительную канаву), но не может ее опустить (т. е. уничтожить)». Примеры сложноподчиненных предложений: «Kush e er fishekun, gjakun a bân të ve'n» «Кто дает патрон, убийство (букв. „кровь“) делает своим» (т. е. берет на себя ответственность за пролитую кровь); «N'dekët detyrsi, rrihohet dorëzâni», — thotë kanuni» «„Если умирает должник, живет поручитель“, — говорит канун».

Внешняя прозрачность значения такого рода формул, соотносящихся с довольно понятными ситуациями общественного быта, является, однако, кажущейся. Каждая из них, будучи знаком определенной ситуации, получает свое истолкование не из обычных речевых контекстов, складывающихся и меняющихся в потоке речи, но из одного постоянного, и притом весьма сложного контекста — из контекста определенной семиотической системы, в которую она входит в качестве составного элемента. Даже в обществе самих горцев, организованном согласно соответствующим нормам обычного права, истолкование формул, соотносимых с теми или иными общественно-правовыми ситуациями, не было доступным всякому, но требовало специальных знаний, опыта, которыми обладали так называемые «люди Кануна». Каждая из лаконичных формул служила выражением смысла не только определенной юридической нормы в ее применимости к конкретным случаям, но и находилась в системных связях с тематически близкими формулами, участвуя тем самым в образовании семантических рядов. В один из таких комплексов входят, в частности, формулы, относящиеся к общественной организации орошения земель. Поэтому такая формула, как «ujët asht gjaku i tokës» «вода это кровь земли», является не просто метафорическим украшением речи. Она выражает глубинную сущность отношения горца как члена родовой общины к воде, которая сопоставляется с его отношением к такому важному элементу идеологии родového общества, как понятие «кровь». Семантической паре «вода — кровь» параллельна семантическая пара «дороги — жилы», представленная в формуле «udhët janë dejet e tokës» «дороги это жилы земли». Обе формулы объединяются наличием общего элемента «земля». В целом они образуют два соотносимых семантических пучка: «земля — вода — кровь» и «земля — дороги — жилы». С помощью этих обобщающих формул метафорического характера нашло выражение, притом на уровне поэтической сублимации, отношение патриархальных горцев к общинной собственности на землю, воду и пути сообщения. В то же время в ряде тематически связанных с ними частных формул эксплицированы конкретные правовые нормы, определявшие в прошлом порядок пользования общинными благами.

Сложность для интерпретации представляют формулы, составным элементом которых является слово *gjak* «кровь». Помимо своего элементарного физиологического значения, это слово имеет в лексической системе общественно-правового и устно-поэтического койне североалбанских горцев также следующие значения: а) кровь членов патриархальной семьи, т. е. все входящие в нее люди одной крови; б) убийство как потеря патриархальной семьей части ее крови, требовавшая возмещения ответным актом убийства, т. е. изъятием соответствующего количества крови у семьи убившего; в) нахождение в состоянии ответствен-

ности за совершенное убийство и, следовательно, боязнь кровной мести.

На этих взаимосвязанных и не всегда четко расчленяемых понятиях строился целый комплекс правовых норм, отраженный в серии лаконичных формул, представляющих собой знаки ситуаций, которые до сравнительно недавнего времени были еще актуальны для жизни населения горных районов Северной Албании и Косовского автономного края (Югославия). Несколько образцов таких формул: «Gjaku s'bahet gjobë» «Кровь не становится штрафом» (т. е. не возмещается с помощью штрафа); «Gtueja s'bjep në gjak» «Женщина не попадает в кровь» (т. е. в состоянии ответственности за убийство); «Pushka e çon gjakun te shpija» «Ружье приводит кровь в дом» (т. е. ружье, данное тобой для убийства, делает тебя самого ответственным за него); «Pushka shkon për gisht» «Кровь идет за пальцем» (имеется в виду палец, спустивший курок, т. е. ответственность за убийство ложится непосредственно на лицо, выстрелившее из ружья); «Veja lán gjaqe» «Клятва смывает крови» (улаживание кровной мести); «Kush vret vedin, shkon gkak-hurës» «Кто убивает себя (т. е. своего сына или дочь), считается потерявшим кровь» (т. е. ни перед кем не отвечает за убийство).

Из-за недостаточной эксплицитности выражения значений очень трудны для интерпретации следующие формулы, относящиеся к судопроизводству: «Veja meq gjan e vet» «Клятва берет свое» (это должно означать: через посредство обряда клятвы имущество будет принадлежать законному владельцу); «Plak mbi plak kanuja s'ban» «Старца над старцем канун не ставит», т. е. ранее принятое советом решение не может быть отменено новым решением.

Вообще, чем лаконичнее формулы, тем более обобщенными они являются и тем труднее их истолковать. Знаковый характер формул, выступающих как единицы особой семиотической системы, в принципе предполагает отсутствие установки на эксплицитность выражения. Поэтому недосказанность, нерасчлененность значений, особенно бросающиеся в глаза по сравнению с прозрачностью синтаксической структуры, могут считаться специфическим признаком этих языковых образований.

Предельно лаконичны формулы, образуемые паратаксическим сочетанием двух (или более) неполных предложений и содержащие требование принесения клятвы как элемента судебной процедуры. Например: «A bën, a gjân» «Или клятву, или вещь»; «Vé, e s'ká pertej» «Клятву и больше ничего».

В построении текста Кануна как целого и его отдельных контекстов формулы, используемые автором в качестве цитат и соответственно выделенные кавычками, занимают четко определенные места. Можно установить несколько способов включения их в контексты: 1) формула помещается в заглавии или в подзаголовке определенной статьи Кануна, причем в отдельных параграфах этой статьи перечисляются затем ситуации, обобщенные данной формулой; 2) отдельный параграф начинается с формулы и включает ее интерпретацию; 3) параграф начинается с развернутого изложения правовой нормы и завершается формулой, которая как бы закрепляет сказанное (цитата в таких случаях имеет характер ссылки на традицию).

Помимо формул, представляющих собой законченные предложения, употребляемые как особые знаки общественно-правовых норм и ситуаций, в тексте Кануна широко представлены также формульные словосочетания. Гьечов пользуется ими не как цитатами, но как терминами, и в качестве таковых они оказываются включенными в его авторский текст. В большинстве случаев это атрибутивные словосочетания, образованные с помощью приименного родительного (реже отложительного). Встречаются также постоянные типы глагольно-именных словосочетаний

Формульные словосочетания часто имеют метафорический характер, что соответствует сублимированному стилю общественно-ритуального койне, получившего отражение в тексте Кануна. К сфере семейно-правовых отношений принадлежат следующие формульные словосочетания: *Brëzat e gjakut* «поколения крови» (имеется в виду счет поколениям мужской

линии) и в противоположность этому *brëzat e gjinis* «поколения родства» (счет поколений по линии матери). В образно-поэтической форме это же противопоставление представлено формульными словосочетаниями: *lisi i gjakut* «древо крови» и *lisi i tamblit* «древо молока». Ср. также парные термины: *nip (mesë) i trungut* «племянник (племянница) ствола» и *nip (mesë) bijash* «племянник (племянница) по дочерям».

К сфере значений, связанных с убийством и мстостью, принадлежат формульные словосочетания: *me dalë në pritë* «выйти в засаду», *me bie në gjak* «попасть в кровь», т. е. «навлечь на себя мстость», *me marrë gjak* «взять кровь», т. е. «отомстить», *në valë të gjakut* «в кипении крови», т. е. «в течение 24 часов после убийства». С процедурой примирения враждующих сторон связаны формульные сочетания: *i zoti i gjakut* «хозяин крови», т. е. «глава семьи убитого», *shkues i gjakut* «ходатай крови», т. е. «посредник при примирении, приходящий от лица виновного», *buka e gjakut* «хлеб крови», т. е. «трапеза, символизирующая примирение сторон».

Шт. Гъчов включил в раздел своего труда, посвященный обряду принесения клятвы, несколько образцов соответствующих обрядовых текстов, также носящих характер формул. Примечательно, что построение клятвенных формул существенно отличается от построения формул, функционирующих в качестве знаков правовых ситуаций. В то время как клятвенные формулы характеризуются своим лаконизмом и обобщенностью, проявляющейся в известной нерасчлененности выражаемых значений и отношений, определяющим признаком клятвенного текста является установка на эксплицитность выражения, на отсутствие недосказанности. Характерно, что формой тщательно отработанных вековой традицией клятвенных текстов явились относительно четко организованные сложноподчиненные структуры, дававшие возможность с помощью синтаксических средств недвусмысленно передать все важные с точки зрения юридической процедуры отношения плана содержания.

Великолепным образцом может служить лаконичный в своей формальной завершенности текст клятвы головами сыновей. Обвиняемый, нагнув и сблизив головы сыновей, опирается на них руками и произносит следующий текст: «Pasha kryet e djelmvet, nuk t'a kam bâ at rreng, pëg të cillin më je beditë e as nuk diej se kush t'a ka bâ» («Здесь у меня головы сыновей, я не причинял тебе этого ущерб, в котором ты меня обвиняешь, и не знаю, кто тебе его причинил») (подробнее о клятвенных текстах см. [11]).

В частях текста, содержащих развернутую интерпретацию правовых ситуаций, абсолютно преобладают сложноподчиненные предложения с отчетливо выраженным условием. Эта особенность в полной мере объясняется самим содержанием Кануна, автор которого имел цель представить в кодифицированном виде всю полноту установлений обычного права позднеродового общества североалбанских горцев. Сложная система правил и обычаев, регулировавших семейно-родовые и имущественные отношения этого общества, система норм поведения и наказаний, связанных с различного рода правонарушениями, включая и законы кровной мести, — все это существовало в памяти «людей Кануна» и передавалось от поколения к поколению в устной форме. И эту заветную мудрость Гъчов отважился перевести из устной формы речи в письменную, для чего в каждой из кодифицируемых статей надо было отразить полноту и точность содержания, связанного в каждом случае со строго определенной правовой ситуацией. Традиционные формулы, закрепленные в памяти и сознании «людей Кануна» за различными типовыми ситуациями, в своей знаковой функции лишь указывали на наличие специально относящихся к этой ситуации правовых норм. От опыта и знаний, которыми обладали наделенные судебными полномочиями старейшины, зависело вынесение конкретных решений, определявшихся системой норм, закрепленной в формулах Кануна. Перед кодификатором же стояла задача перевести эту сумму знаний и опыта в точные формулировки, в которых соотносящиеся между собой моменты ситуации были бы представлены в расчлененном и в то же время во внутренне спаянном с помощью синтаксических средств виде. Каждая формулировка должна была включать в себя как

минимум две необходимые части: а) обозначение ситуации и б) обозначение предписываемой Кануном нормы поведения. Тем самым синтаксическая форма соответствующих формулировок уже заранее оказывалась predetermined смысловым заданием. Образованные сложные предложения могли иметь разные степени сложности в зависимости от количества и характера соотношения эксплицируемых моментов ситуации. Но само по себе наличие сложной синтаксической единицы, состоящей минимально из двух компонентов, соотносимых с ситуацией и вытекающим из нее предписанием, является необходимым инвариантом, характеризующим кодификацию как тип построения юридического текста в его наиболее элементарной форме.

Шт. Гьечов владел довольно богатым набором средств выражения условно-подчинительных связей. Однако наиболее часто он пользовался тремя способами построения сложноподчиненного предложения со значением условия в зависимой части: а) условие передается с помощью обособленного оборота — именительный с инфинитивом; б) условное предложение вводится союзом *po* «а, если» и имеет подлежащее в именительном падеже, а глагольное сказуемое в аористе индикатива; в) условное придаточное предложение вводится союзом *në* «если» и имеет глагольное сказуемое в той или иной временной форме конъюнктива. Зависимое предложение обычно предшествует главному. Например: а) *Me vrá i biri t'ámen, bjen në gjak me prindet e s'ámës* «Если сын убьет свою мать (букв. „убить сын свою мать“), попадает в кровь (т. е. в отношении кровной мести) с родителями матери (т. е. родня матери должен отомстить сыну за ее убийство)»; б) *Po më shau, kush, e un e vrava, i a kam gjakun* «Если меня обругал (аорист) кто-нибудь и я его убил (аорист), я ему должен (наст. вр.) кровь»; в) *N'i prekët kush kuej në nderë, peng e plak për nderë të marrun s'ka* «Если (*në*) кто кому затронет честь, залога и суда (букв. „старца“, т. е. судьи) за отнятую честь не бывает».

Гьечов часто усложнял построение синтаксических комплексов, соединяя в одном синтаксическом целом несколько зависимых придаточных предложений — с целью связать в один узел указания на различные моменты ситуации, передаваемой одной статьей кодекса. Например: *Porsá t'a vrasë kush thín në dâm, do t'i lshojë zâ të zot't qi të shkojë me e marrë, pse misht i a han aj* «Как только убьет кто-нибудь свинью на потраве, должен подать голос хозяину, чтобы шел ее забрать, потому что ее мясо ест он».

Среди такого рода построений встречаются значительно более усложненные, оставляющие впечатление тяжеловесности, хаотичности, нагромождения придаточных предложений. Подобные случаи наглядно свидетельствуют о тех трудностях в работе над языком Кануна, которые Гьечову не всегда удавалось преодолеть.

В описательно-декретирующих частях текста Кануна (описания ритуальных действий) Гьечов использовал синтаксические средства повествовательного стиля народной прозы.

Это очень своеобразный жанр, для которого характерно не столько описание, сколько предписание последовательности моментов ритуального действия. Содержанием соответствующих контекстов (ритуал приема гостя, похоронный обряд и др.) не является собственно информация о том, какие действия совершаются, но серия четких указаний на действия, которые надлежит совершать, и об их временной последовательности. Стилистическое своеобразие состоит в том, что, с одной стороны, текст состоит из ряда элементарных синтаксических единиц — по большей части простых предложений, иногда сложных, но не усложненных, последовательность расположения которых отражает последовательность развертывания во времени описываемого действия. В этом отношении строение текста вполне аналогично строению, характерному для жанра народной прозы. Отбор и расположение синтаксических структур в основном сходны.

Однако от повествовательного стиля народной прозы стиль ритуальных частей Кануна отличается одной существенной особенностью, свя-

занной с декретирующей установкой, которой подчинено их изложение. Каждое из предложений, через последовательность расположения которых передается динамика развертывания действия, имеет своим содержанием определенное установление, предписание, которое надлежит выполнить. Так, в описании ритуала приема гостя все предложения разнесены по отдельным параграфам. И хотя они являются составными элементами цельного контекста, передающего последовательность развертывания действий, каждое из предложений содержит законченную и внутренне замкнутую формулировку, собственно формулу почти сакрального характера. Некоторые из предложений и обозначены как формулы Кануна (с помощью знака цитирования) или дополняются формулами (образцы ритуальных текстов см. в [11, с. 207—212]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроссе Р. Об изучении языка немецких правовых памятников эпохи позднего Средневековья. — В кн.: Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963.
2. Обнорский С. П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка. — В кн.: Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
3. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. — М.—Л., 1946.
4. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.
5. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
6. Селищев А. М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. — ВЯ, 1957, № 4.
7. Иванов В. В., Топоров В. П. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) — В кн.: Славянское языкознание, VIII Международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978). Доклады советской делегации. М., 1978.
8. Benveniste E. Vocabulaire des institutions indoeuropéennes. T. I—II. Paris, 1969.
9. Watkins C. Studies in the Indo-European legal language, institutions and mythology. — In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
10. Kanuni i Lekë Dukagjinit. Përmbledhë e kodifikue prej A. Shtjefen Konst. Gjeçov. Shkoder, 1933, f. XXVI.
11. Десницкая А. В. О синтаксических особенностях кодекса обычного права северноалбанских горцев (Канун Леки Дукаджина). — В кн.: Синтаксические особенности литературных языков на ранних этапах их формирования. Л., 1982, с. 183—186.